

В данной книге представлена реальная история жизни обычного среднестатистического человека, который вошёл в жизнь в 20 веке в стране под названием СССР, а будет её заканчивать в 21 веке в стране под названием Россия.

Моя жизнь.

Откуда я родом?

Я родился в два часа ночи 11 марта 1950 года на Мурмане в Северной Лапландии в посёлке с металлическим названием Никель, который находится рядом с границей Норвегии и Финляндии, в семье рабочего Лобанова Сергея Ивановича и медсестры детского сада Лобановой (Петровой) Тамары Григорьевны.

*Мама, Лобанова Тамара Григорьевна (1925 г.р.) и отец Лобанов Сергей Иванович (1921-2002 г.г.).
Снимок 90-х годов.*

Отец работал на металлургическом комбинате «Печенганикель» в электроцехе, сначала простым электромонтёром, потом электромонтёром 6 разряда высоковольтной лаборатории. Он пользовался заслуженным уважением, как специалист высокого класса,

хоть и было у него образование всего 7 классов, но он имел персональное клеймо, т.е. свою подпись, которую он ставил на бумажке, вкладывая её в какое-нибудь реле проверяемой им высоковольтной защиты. Пере проверять после этого его работу уже было не надо. Говорили, что находили его клеймо и после 20 лет работы релейной защиты, настолько точно и грамотно он ее настраивал. Ушёл он на пенсию 1981 году и скончался в 2002 году, проживая вместе с мамой в посёлке Лукаши, Гатчинского района Ленинградской области.

Отец родился в семье сельского священника, тоже сына священника, в селе Великий Двор под Вологдой. Мой дед был не только священником церкви «Святого Леонтия Ростовского», к сожалению разрушенной во время войны, но и учителем в школе при ней, находившейся в его двухэтажном доме на первом этаже, который сохранился до наших дней в целости и сохранности и был передан учителям местной школы. На втором этаже жила семья отца. В семье было семеро детей. Отец был самым младшим.

Церковь «Святого Леонтия Ростовского» (с. Великий Двор, 2007 г.)

Дом Лобановых в д. Великий Двор. Фото 2007 года. На фото я.

Дед, священник отец Иоанн (Лобанов Иван Иванович (1877 -1925 г.г.) с бабушкой Еленой Анатольевной (неизв. - 1946 г.).

Среди них один из братьев отца Лобанов Николай Иванович (25.03.1905г.р.), который в последствии работал в Ленинградском уголовном розыске в «Большом Доме» на Литейном 4 до 1928 года, участвовал в поимке знаменитого бандита Лёнки Пантелеева, потом был переведён в МУР г.Москвы, где и погиб в 1930 году при задержании бандита «Хрыни» терроризировавшем Москву, о чем было сообщено в центральной газете «Известия» № 290 от 20 октября 1930 года . Об этом в своей книге написал один из бывших сотрудников МУРа, работавший, будучи очень молодым с моим дядей, полковник милиции в отставке Ефимов воспитавший целый сомн милицейских генералов и давшим сценарий к фильму Юлиана Семенова основанный на документальных событиях времен Отечественной войны. Память о моем дяде увековечена на мраморной доске в здании МУРа и в Центральном музее милиции России в г.Москве .

*Лобанов Николай Иванович (1905-1930 г.г.)
Фото 1930 года.*

Когда отец вырос, то устроился на работу электриком на Сухонский бумажный комбинат в городе Сокол Вологодской области. Потом уехал в Ленинград, где в это время проживала его старшая сестра Нина Ивановна и стал работать на заводе им.К.Маркса.

Когда началась война, он вместе с другими жителями Ленинграда, попал в блокаду в осаждённом городе. С той поры у него выработалась специальное отношение к хлебу. Помню, отец очень не любил когда я, будучи маленьким, балуясь, стряхивал хлебные крошки со стола на пол и наказывал меня за это.

На Север он попал вместе с сестрой Ниной Ивановной, которая вышла второй раз замуж (первый раз она была замужем за Зосимом Пятановым (Пятаковым) бывшим когда-то начальником особого отдела 5 Армии, которой командовал знаменитый командарм Тухачевский М.) за очень хорошего человека Мартынова Ивана Александровича, которого направили на комбинат «Печенганикель» главным бухгалтером. Тётя Нина тоже стала работать бухгалтером на комбинате.

Мы с сестрой Олей, мне 6, а ей 5 лет иногда с мамой, иногда самостоятельно приходили к тете Нине и дяде Ване в гости в их небольшую коммунальную квартиру на Пионерской улице, состоящую из двух комнат, одну из которых они и занимали. В комнате всегда стояли апельсины в вазе и конфеты «Мишка на Севере», которые присылали из Ленинграда. Моя сестра все это очень любила и я, обычно отдавал ей то, чем нас угощали. Здесь я впервые познакомился с телефоном. Аппарат был большой, чёрный и тяжелый. Номер набирать было не надо, хотя диск на нём был. Соединение происходило через оператора. Помню мы пришли с мамой, все были на работе и мама сказала, что бы я посидел и ничего не трогал, а сама, куда-то вышла с сестренкой. Телефонный аппарат меня притягивал и я решил позвонить Андрею Шубину, моему однокласснику по первому классу где мы тогда вместе учились. Снял трубку и услышав голос телефонистки попросил соединить с Андреем. В ответ услышал «мальчик положи трубку и не балуйся» я испугался и конечно положил

трубку думая, что все откроется когда придет мама и вернутся с работы т.Нина и д.Ваня. Но все обошлось.

Помню так же веселые детские праздники, дни рождения и Новые годы в их квартире, в которых с удовольствием участвовала их приёмная дочка Нина (т.Нина забрала её на воспитание от своей родной сестры т.Лёли, которая жила одна с тремя дочерьми в Сталинграде), приглашенные в гости ребята и соседи.

Живя на Севере отец полюбил его природу. Был страстным охотником и рыболовом. Помню, как однажды придя с охоты он дал мне зайца, а сам взял глухаря и это сфотографировал кто-то.

Отец вернулся с охоты. Слева я. п. Никель, 1955 г.

Или случай с огромной рыбиной семгой, которую приехав с рыбалки он поместил в ванной нашей коммунальной квартиры. Рыба заняла всю большую старую ванну высунув из нее хвост и голову и лежала целый день смирно и вдруг ...ожилла, устроив в ванне прыжки чуть не до потолка, так что было страшно к ней подходить.

Ружей у отца за период жизни на Севере было несколько, но одно было ему особенно дорого. Он купил его сразу после войны в одном из комиссионных магазинов Ленинграда. Это было немецкое Albert Wilhelm Wolf /Suhl. Ружье было охотничье, но с прикладом для стендовой стрельбы. Стволы были из «крупповской стали», так говорил отец подчеркивая его особенность.

Из этого ружья он мог стрелять в зверя, который находился на соседней с ним сопке. Кучность дроби его была великолепной. И совсем недаром, после смерти отца, в квартиру к маме пожаловал подполковник милиции с целью реквизировать это уникальное ружье, что ему в конечном итоге и удалось сделать.

Мама моя в посёлок Никель приехала со своими родителями, отцом Петровым Григорием Семеновичем и мамой Петровой (Шапошниковой) Валентиной Алексеевной. Мама устроилась работать в детский сад медсестрой, потому что она имела фельдшерское образование и была награждена боевой медалью «За отвагу».

*Дед Петров Григорий Семёнович (1895-1957 г.г.), Бабушка Петрова (Шапошникова) Валентина Алексеевна
Фото на отдыхе 1957 г. с сыном Юрием.(1903-1987 г.г.)*

Мой дед по матери был назначен начальником ОРСа комбината «Печенганикель», т.е. на нём было всё снабжение комбината и посёлка продуктами питания и прочими вещами. С жильем тогда было очень плохо в посёлке, целыми стояли только трехэтажные финские дома по улице Победы, да одноэтажные канадские по улице Мира. Дело в том, что до войны металлургический комбинат принадлежал канадской никелевой компании и поселок находился на территории Норвегии. Но нашей 14 Армии была поставлена задача освободить этот поселок и комбинат, который как считалось, находился на нашей территории.

Поэтому, когда мои родители познакомились и поженились, то жить вначале пришлось в семье моей мамы в одном из двух домов стоящих в каких-то двухста метров по прямой от плавильного цеха комбината, где я и родился, а уже потом наша семья переехала в небольшую комнатку 11 кв. метров в доме по Гвардейскому проспекту напротив школы №1. Здесь родилась моя сестра Оля и я пошел в школу.

Школа.

После окончания мною 5 класса, отцу на работе «дали» двухкомнатную квартиру в нашем посёлке, который стал районным центром Печенгского района Мурманской области, по улице Новой дом 20, которая впоследствии стала называться улицей 14 армии. В школу стало ходить намного дальше. Но я продолжал ходить в школу №1, а сестра в школу №20 расположенную в другой стороне посёлка.

Учился я все время в классе с буквой «А». Начиная с первого по четвертый, класс вела учительница, Казаринова Раиса Сергеевна и в нашем классе учился ее сын Володя. В табелях за эти первые четыре класса у меня были только одни пятерки. Спасибо маме, я пошел в школу подготовленный и во втором классе мог самостоятельно читать небольшие сказки, которые я брал в школьной библиотеке.

Ещё когда мы жили на Гвардейском проспекте, бывшие наши соседи Ивановы- муж, жена и две дочери старше меня, переехали на другой адрес и в освободившуюся комнату въехала

новая учительница русского языка нашей школы ставшая в последствии её директором, по фамилии Бунина со своей дочкой Ирой, которая была младше меня на несколько лет. Как сейчас помню, в комнате у них висело радио в виде чёрной тарелки, а у нас радио не было и когда я бывал у них, мне было интересно смотреть на то, как вибрирует эта тарелка издавая всевозможные звуки. А ещё запомнился патефон, пластинки на котором можно было проигрывать покрутив сначала на нём ручку соединённую с пружиной и чем то похожую на заводную ручку автомобиля, как говорили «завести» патефон. После этого на пластинку опускалась никелированная кривая трубка с круглым набалдашником на конце и с торчавшей из него металлической иглой, через которую и шёл звук. Было интересно и забавно каждый раз перед тем, как поставить новую пластинку крутить эту ручку и слушать вместе с шипением, которое доносилось из набалдашника, голос Шаляпина, Собинова или Руслановой. У соседей Ивановых тоже была похожая техника, но она называлась граммофон и отличалась тем, что звук шёл из ратруба, который начинался у иглы. Но мне не давали к нему подходить. С патефоном же совсем другое дело, когда учительницы нет дома, то крути себе пожалуйста.

В седьмом классе у меня не сложились отношения с учительницей математики, которая меня невзлюбила, уж за что я и не знаю. И посыпались плохие оценки. Учить было бесполезно, так как после того, как ею называлась моя фамилия и не зависимо от того успел ли я даже подняться со своего места, звучало «садись два». И мама ходила в школу пытаюсь разобраться в данном вопросе- ни чего не помогало. И так продолжалось до 9 класса.

По окончании 8 класса, тогда это называлось неполное среднее образование, я сдал экзамены, на которые был едва допущен и переведён в 9 класс, а эта учительница куда-то уехала из школы. Учиться стало гораздо легче. В 1967 году школа была благополучно закончена. Как раз в эти самые года, я начал заниматься спортом: ходил на секцию бокса, потом баскетбола и велосипеда, так как моя мама не хотела, что бы занимался боксом. Увлекался лыжами. После занятий или по выходным уходил за здание своей школы, одевал лыжи и бегал. Бегал на лыжах не плохо, на уровне 2 взрослого разряда. Но вот однажды, отправившись побегать на лыжах за стадион, который находился в другом районе посёлка, попал на незнакомой лыжне в пургу и в результате отморозил пальцы на ногах. Еле смог добраться до дома, шёл на пятках, волоча за собой лыжи и палки. Дома, под потоком холодной воды льющейся из-под крана сидел и стонал несколько часов. С тех пор, как только холодает, пальцы ног сразу замерзают. Вобщем заработал себе на всю жизнь эту хворобу.

Работа.

По окончании 10 классов встала проблема с работой. Но мне удалось устроится, благодаря начальнице отдела кадров комбината «Печенганикель» Полуниной, которая хорошо знала т.Нину и д.Ваню (они уже несколько лет назад уехали в Ленинград), в электроцех, где работал мой отец.

Сначала работал на электрослесарном участке, а потом был переведён в электролабораторию цеха и попал в бригаду отца.

Работа в электролаборатории запомнилась надолго, а навыки полученные тогда пригодились в армии. По работе приходилось много ездить по разным электроподстанциям, где мы проверяли и настраивали релейную защиту, а так же спускаться в шахты под землю.

Помню свой первый спуск в шахту на полувертикальном подъёмнике. Мы сели в маленькие металлические вагончики, которые были связаны с подъёмником металлическим тросом, а я в первый вагончик. И тогда нас стали опускать под землю по рельсам под углом 45 градусов

и ветер засвистел мне в лицо. Я смотрел прямо в чёрную бездну, куда мы неслись на какой-то там горизонт на глубину 400 метров. Всё во мне замерло, но страху не было. А по сторонам только мелькали иногда встречающиеся, тускло горящие светильники, установленные вдоль всего тоннеля, по которому мы мчались. При остановках составчик очень сильно раскачивался на рельсах, что только подтверждало то, что металлические троса могут растягиваться и сжиматься как резиновые.

Там под землёй я встретился с Комаровым Евгением Борисовичем, который тогда работал простым электриком на шахте «Каула-Коотсельваара», а впоследствии в правительстве РФ при его председателе Силаеве стал председателем Комитета по делам Севера. Правда, перед этим он закончил ЦПШ (Центральная партийная школа), потом был секретарём райкома КПСС, вторым секретарём Мурманского обкома. Впоследствии он снова вернулся в Мурманск из Москвы и стал Губернатором. Моя мама и его жена Валентина работали в одном детском саду. Мама медсестрой, а Валентина заведующей. У них в семье было две дочки. И Комарова часто просила мою маму присмотреть за ними. Так что можно сказать, что они выросли на руках у неё.

После того, как Комарова перевели в Мурманск, между мамой и их семьёй ещё некоторое время продолжались контакты в основном через почту.

Армия.

В мае 1967 года я был призван в ряды Советской армии. Попал я в ВВС (Военно-Воздушные Силы) СССР и был направлен в ШМАС (школа младших авиаспециалистов), или попросту говоря в учебку в г.Гайсин на Украине, которая тогда входила в состав СССР как союзная республика. Учёба продолжалась 6 месяцев, а служили тогда два года. Помню, как было тяжело в самом начале службы. В первые дни совершенно не мог есть эту жёлтую картофельную массу политую сверху коричневым комбижиром, к которой полагался кусок противного варёного сала и такого же цвета безвкусный суп с перловой крупой. Рацион гарниров на второе менялся по схеме: картофельное пюре – перловая каша, которую мы называли «дробь 16» и гороховая каша. А на первое суп с перловкой, щи без мяса, гороховый суп. И конечно кусок жира. Вот там я и испортил свой желудок, заработав хронический гастрит на этом питании.

Так как это была школа, то ни какой дедовщины не было потому, что все были одного призыва. Я попал в первую роту во второй взвод к зам.комвзвода сержанту Лосю. Командовал взводом молодой лейтенант Подопригора, а ротой капитан Гулин. Нас учили на специалистов по АПА (аэродромные передвижные электроагрегаты). Это своего рода электростанции на базе грузовых машин, которые применяются в авиации и сейчас для запуска самолётов и проверки их электро и радио оборудования. Вот здесь мне и пригодились навыки, полученные в электролаборатории, где я работал вместе со своим отцом. Неплохо разбираясь в электрических схемах и устройстве всевозможных реле был привлечён комвзвода Подопригорой для проведения занятий с солдатами нашего взвода, которые проводил вместо него. Это было оценено им, т.к. для того, что бы я мог готовиться к занятиям меня назначили «каптёром» (кладовщиком) склада находящегося за небольшим полем метрах в ста от казармы, где хранилась наша гражданская одежда, состоящая в основном из ватников, а так же мётлы, лопаты и носилки для уборки территории. От ватников я регулярно отрывал рукава и выдавал их для натирания паркета в казарме, которая была в три этажа. На верхнем этаже были двухэтажные койки первой и второй роты, на втором этаже третья и четвёртая роты, а на первом находилась столовая. Корпус, где мы проходили обучение, располагался сразу за плацем. Была ещё пятая и шестая роты, которые находилась в другом месте города Гайсин и куда мы иногда ходили строем, как и в

городскую баню, то на учёбу, то на психологические и иные обследования, которые иногда проводили с нами.

Выдавая лопаты и грабли, а это было обычно по утрам, после всеобщей пробежки, с которой умудрялся заранее убежать в каптёрку, а позднее и вообще не участвовал в зарядке используя тот же предлог, я имел возможность немного отдохнуть и подготовиться к занятиям с курсантами, как нас всех называли в этой школе. Каптёрка находилась рядом с каменным забором, который не охранялся часовыми и этим пользовались некоторые мои земляки, призванные вместе со мной в армию и попавшие в эту же учебку. Они приходили ко мне и получив заранее подобранную гражданскую одежду, переодевшись перелезали через забор и уходили в самоволку в город, договорившись за ранее со мной, когда я приду в свою каптёрку и выдам им их военную форму, которую они мне оставили. Когда они возвращались, то в награду за мою помощь что-нибудь мне приносили. Однажды, один мой земляк, с которым мы жили в одном доме в Никеле, сын билетного кассира кинотеатра «Дружба», женщины уважаемой, принёс после возвращения из «самоволки» бутылку водки. Водки я не видел уже месяца три и решил выпить. Открыл банку консервированных килек в томатном соусе, которые принёс он на закуску, выпил пол-стакана водки и съев кильки решил выбросить банку. Но видимо опьянел изрядно и бросив банку сильно разрезал её крышкой большой палец на правой руке, след от пореза так и сохранился на нём на всю жизнь. Полилась кровь и чтобы её остановить, я прислонил отрезанную часть кожи к пальцу и обмотал тряпкой. А тут бежит дневальный от старшины роты и требует меня к себе. Я побежал. Прибыв в роту, решил не подходить близко к старшине и доложил о своём прибытии на расстоянии. Старшина был человеком опытным, он увидел мою правую руку перевязанную в районе окровавленного большого пальца и решил отправить меня в лазарет, который находился в расположении пятой и шестой роты, т.е. в другом конце города Гайсин. Сам он этого сделать не мог и потому, получив разрешение дежурного по части офицера отправил меня вместе с сопровождающим, которым оказался мой визави, прибежавший следом за мной. Выйдя из части и почувствовав запах свободы, мы решили продолжить праздник и на деньги, которые были с собой купили ещё маленькую водки, которую тут же и выпили опьянев окончательно. Еле нашли расположение лазарета, мы были задержаны на проходной дежурным по КПП. На наше счастье им оказался сержант Лось, который дал нам возможность поспать и помог выпутаться из этой истории. Слава богу, что всё окончилось без серьёзных последствий, не считая трёх нарядов вне очереди которые мы получили в результате своей выходки и которые провели на кухне. Здесь мы чистили картошку. Процесс этот заключался в том, что после ужина, на кухне в овощном цехе рядом с ванной садилось четыре – пять человек. У каждого в руках был остро наточенный кухонный нож и мы должны были начистить целую ванну картошки и только после этого могли идти спать. А так как чистка картошки заканчивалась где-то часа в три ночи, то на сон нам оставалось всего три часа, т.к. подъём роте сержанты устраивали в шесть часов. При подъёме они давали на одевание всего 45 секунд и после этого закрывали двери в казарму. Кто не успевал, выскочить на улицу одетый до пояса не смотря на погоду, тот получал наряд в не очереди от старшины Артёма, который был зам.комвзвода первого взвода первой роты или от нашего Лося. В общем, попав раз на кухню, можно было долго не вылезать из нарядов вне очереди и стать большим мастером по чистке картошки. Но со мной этого не произошло. Когда пришло время заканчивать ШМАС, встал вопрос о распределении курсантов. Наш лейтенант Подопригора не раз уже беседовал со мной на тему остаться в школе сержантом и помогать ему. Я отказывался. Тогда, я помню, вызвал он меня в ленинскую комнату после ужина. А там висела карта СССР на пол- стены. Подвёл он меня к карте и сказал, что если я не хочу оставаться, то могу себе выбрать точку на карте, где я бы хотел служить дальше. Я показал на Одессу, куда и был направлен. Но прибыв в Одессу меня и курсанта Кретова Николая, который был из второй роты нашей школы и ещё одного курсанта Маклакова из четвёртой роты, направили в часть под посёлком Лиманское, где мы и попали в батальон обслуживания лётного истребительного полка. Началась служба в действующей части.

Рядовой Лобанов, ШМАС в г.Гайсин, Украина. Фото 1969 г.

На аэродроме, кроме лётного истребительного полка, который и обслуживал наш батальон, базировался авиаполк разведки прямого московского подчинения. Наша часть, вместе с лётным полком входила в состав 5 воздушной армии которой командовал генерал-лейтенант Алексенко. Высокий был человек. Я это хорошо запомнил по одному эпизоду. Как-то стояло моё АПА-4 на базе автомобиля УРАЛ-375 у высотного домика. Высотным домиком называлось помещение, где пилотов истребителей, а летали тогда на МИГ-21, одевали в высотные костюмы два специально обученных солдата срочной службы. Ну, в общем, лето. Сажу высоко за рулем машины, двигатель выключен. Вдруг вижу, приближается кучка офицеров. Впереди бежит маленький подполковник Крамаренко, командир нашего батальона. Мы его не любили за надрывные крики на подчинённых ему офицеров и нас солдат. А ещё за заискивание перед старшими по званию и положению. Ну вот, бежит он впереди и остановился, пропуская других офицеров во главе с высоким Алексенко. Узкая бетонная дорожка, по которой они шли, пролегалла под одиноко растущим деревом и генерал проходя под ним задел фуражкой за ветку. Фуражка упала и покатилаь. Все остановились и замерли. Крамаренко выскочил из заднего ряда, мгновенно поднял фуражку, отряхнул её и протянул Алексенко со словами, которые я слышал вполне отчётливо в стоящей тишине «А дерево мы спилим!». И ведь спилили. Правда звёздочки у Крамаренко на погонах от этого не прибавилось, видать зря старался.

Однажды мне в моей службе в батальоне представился случай немного, как говорится, встряхнуть комбата Крамаренко в прямом смысле этого слова. К нам на аэродром прибыл командующий ВВС маршал Соколов. Прилетел он на своём самолёте ТУ-124 неожиданно и без сопровождения. Еле нашли металлический трап, что бы он сошёл с самолёта. Меня вызвали по тревоге и я срочно прибежав а автопарк выехал на своей АПА-4 на аэродром к прибывшему самолёту. Подъехал в тот момент, когда Соколов сходил по трапу. Встречали его офицеры и наш комбат Крамаренко в том числе. Когда, через некоторое время закончилась встреча, а я тем временем подключился к самолёту и подал напряжение для его проверки, все вернулись назад и командующий влез в самолёт. Я включил режим запуска по команде левого пилота. Когда самолёт запустился, надо было отсоединить эл.кабели и в это время появился наш комбат и стал их отсоединять. Когда он стал забрасывать последний кабель на специальную несущую кабели стрелу, я довольно резко стартанул с места. Что-бы не упасть Крамаренко ухватился за стрелу, я сделал левый поворот машины, стрела пошла в противоположную сторону и я увидел в сферическое зеркало заднего вида висящего на ней

комбата, который что-то кричал и болтал ногами. Думаю, что командующий из иллюминатора видел этот номер и наверное хохотал от души. Я то, уж точно. Когда остановил машину, подбежал разъярённый комбат и естественно, что мне досталось. Но посадить на губу он меня не рискнул, т.к. уже имел опыт моей посадки. Дело в том, что я практически был уникальным специалистом, освоившим АПА -4. Это была сложная техника на базе грузовой машины УРАЛ-375 с тремя ведущими мостами. Её использовали и как тягач для перемещения самолётов и как универсальную электрическую станцию, подходящую для любых типов самолётов. Я умел на ней настраивать любые режимы работы. Кроме меня это мог делать ещё сержант Маклаков, который раньше учился в нашем ШМАСЕ, но не так совершенно.

И вот однажды, я попал на губу за самоволку, в которую ходили несколько солдат. Это было летом. Вечером нас повели в кино здесь же на открытой площадке в части. Фильм должен был быть двухсерийный. После его начала я с небольшой группой солдат отправился через поле в соседнюю деревню. Граница Украины и Молдавии. В селе живут и молдоване и украинцы и почти все делают вино. Многие продают. У одних хорошее вино, а другие для крепости и грампластинки толкли и куриный помёт применяли. Но мы нашли хорошее вино. В этом же доме и офицеры- техники с нашего полка и мы. Ничего, всё нормально. Но мы просчитались. Произошло следующее. Во время демонстрации фильма, ещё в первой его серии, сломалась киноустановка и всех вернули в казармы. Устроили проверку. Нет нескольких человек. Ну и началось. Когда мы вернулись, то нас отправили на гауптвахту по приказу зам.командира батальона подполковника Цейткина. Он служил у нас в батальоне на должности заместителя по хоз.части, но почему-то носил общевойсковую форму. С комбатом Крамаренко они были в плохих отношениях и нам было искренне жалко, что мы попались в его дежурство. Одним словом ночевать пришлось на «вертолётах» на гарнизонной гауптвахте. Но не успело рассвети, как я был в срочном порядке освобождён из гауптвахты лично командиром роты капитаном Бондаревым. На аэродром сели грузовые самолёты и никто не знал, как их проверить и запустить, что бы они могли улететь от нас. Так что больше одной ночи я не сидел на губе. И не сидел больше никогда, хотя может быть и было за что. Это произошло в дежурном звене. ДЗ заступало на несение службы по воздушной охране государственной границы по приказу министра обороны №00120, который зачитывали нам каждый день на построении. Там за каждым пунктом нарушения или не выполнения стояла та или иная статья наказания. ДЗ состояло из двух самолётов, которые должны были подняться в воздух один за другим, первый за четыре минуты после объявления тревоги. Естественно, что в состав ДЗ входил помимо пилотов и обслуживающий персонал: офицеры-техники, солдаты высотники, солдаты роты аэродромного обслуживания, т.е. специалисты по АПА и другой технике. Вообще-то в ДЗ было не плохо. Был телевизор. Своя охрана на посту, состоящая из нас же. Летом можно поиграть в футбол и волейбол. Вечером в помещении офицеров в домино в «козла». И не было разницы между подполковником и рядовым, проиграл -лезь под стол и кукарекай. После прибытия в часть, я был направлен на стажировку к «деду» на машину АПА на базе ЗИС-150. Старая техника. Целый кузов аккумуляторных батарей. Сначала ездили вдвоём. Потом «дед» передал мне машину и я был первый раз назначен в ДЗ. И вот здесь, при подъезде задним ходом к стоящему самолёту я не рассчитал расстояние и упёрся в крыло второго самолёта и чуть помял его. Что тут началось. Срочно стали менять самолёт. Меня вместе с машиной сразу же сняли с дежурства. Но слава богу, всё сделали во время. В результате больше всех пострадал старший лейтенант, техник который мне махал рукой, что бы я подъезжал к самолёту. Через пару недель мы с ним снова встретились в ДЗ, но он уже был лейтенантом.

Ерёмин, Лобанов, Кретов. Украина, п. Лиманское, стрельбище, 1969 г.

Но больше всего мне в армии запомнился один случай. Невероятная история произошла со мной. Рассказать кому, ни кто не поверит. В общем-то и не верили. А зря. А история была о том, как мне, простому солдату, 50 генералов и два маршала честь отдавали, да ещё и по стойке смирно стояли.

В 1969 году проходили на базе нашего аэродрома войсковые учения «Юг», а точнее у нас был центр проведения этих учений. Министром обороны СССР был тогда маршал Гречко Андрей Антонович. Он и руководил этими учениями. И вот утром, в один из летних дней, меня срочно вызвали в автопарк. В автопарке я завёл своё АПА-4 на базе «Урала» и выехал на аэродром в обозначенное мне место. На аэродроме было не привычно тихо. Поставив машину, я заглушил двигатель и стал ждать. Конечно, накануне ходили какие-то слухи про учения но толком, ни кто ничего не знал. Я сидел в машине и наблюдал, как в полной тишине на взлётную полосу приземлялись большие самолёты. Ко мне подошёл офицер в полевой форме в звании полковника. Как позже выяснилось, это был «особняк» (так мы называли офицеров особого отдела). Он попросил предъявить машину к досмотру, посмотрел её комплектацию, в том числе и инструментом. Потом прочитал мне небольшую лекцию, из которой выходило, что я буду обслуживать самолёт министра обороны. Поэтому, я должен строго выполнять только команды полковника, а больше не чьи. И вот ТУ-154 с министром обороны сел на нашем аэродроме. Об этом объявили по громкой связи - «прибыл хозяин». К его прилёту подготовили почётный караул, который доставили из г.Одессы вместе с трапом и рестораном. Почётный караул выстроился на «рулёжке» (бетонная полоса, по которой самолёты выруливают на взлётную полосу). Но министр с воздуха отменил почётный караул. И так, когда самолёт остановился, полковник-«особняк» стал мне махать рукой, что бы я подъезжал к самолёту. Я тронулся с места и поехал к самолёту со скоростью 5 км/час, как меня он инструктировал. В это время к самолёту подъехал самоходный одесский трап. Министр обороны стал по нему сходить. Был он высокого роста и в полевой форме, поэтому знаки различия разглядеть было трудно. Навстречу ему, от большой группы генералов замерших по команде «смирно» с рукой у фуражки, чеканя строевой шаг, зашагал маршал Баграмян. Его я узнал сразу же. Но принять доклад маршала министру обороны не получилось. Дело в том, что моя машина в это время проезжала мимо трапа, который находился с левой стороны и на последней ступеньке которого стоял министр обороны, маршал СССР Гречко с рукой поднятой к козырьку фуражки, а маршал Баграмян, тоже с рукой у фуражки остановился с правой стороны от медленно движущейся машины, где за рулём сидел я. И получилось, что я на своей машине

проехал между двух маршалов, которые мне отдавали честь, а я в это время руки держал на руле. Ну скажете мне пожалуйста, много ли есть солдат на свете, которым вот так маршалы да генералы отдают честь?

Много ещё можно вспомнить армейских случаев и эпизодов. Один из них определил мою судьбу. Как я уже говорил, со мной из Гайсинского училища попал в эту же часть рядовой Николай Кретов. Был он сам из Гатчинского района Ленинградской области. И вот однажды, мы сидели в кабине его машины в парке и он показал мне фото своей двоюродной сестры Людмилы, рядом с которой он и жил. На фото ей было 15 лет. Это фото произвело на меня впечатление.

Захарова Людмила, 15 лет.

И когда подошло время демобилизации, я вместе с Кретовым Николаем поехал в г. Ленинград.

На гражданке.

В Ленинград мы летели разными самолётами из Одессы. Прилетев в аэропорт Пулково, я сразу поехал в Суйду под Гатчину, где жил Николай. И получилось так, что я приехал раньше его, т.к. он не дождался меня (наш самолёт задержали в Киеве в Бориспольском аэропорту) поехал сначала к родственникам в город. Но потом он приехал со своим двоюродным братом Костей и всё наладилось. Мне через некоторое время удалось познакомиться с Людмилой. Ей не было ещё и 16 лет. Стали встречаться и как-то уж так получилось, что 24 июля 1974 года мы зарегистрировали свой брак во дворце бракосочетаний на ул. Петра Лаврова.

*Регистрация во Дворце бракосочетаний на ул. Петра Лаврова. 24 июля 1974 года.
Слева на право, снизу вверх: Захарова Е.С., Лобанова Т.Г., Захаров В.В., Лобанов С.И.,
Лобанова Л.В. (жена), Лобанов В.С. (муж), Фёдоров А.П., Шарапенкова В., Лобанова О.С.,
Козлова Т., Лебедев С., Козлов К., Лобанова Н., Лобанова И., Лобанова Н., Павлова В., Павлов Г.*

В 1997 году у нас с Людмилой родилась старшая дочь Елена, которую я всю свою жизнь называю только Алёной, а в 1981 году младшая Наташа, которую в детстве мы называли Таткой. Жили мы тогда в комнате на ул. Морской Пехоты в Кировском районе, которая мне была в 1996 году выделена профкомом Кировского завода через цех, в котором я работал. А до этого мы скитались по съёмным комнатам в городе. Дольше всего удалось пожить на Васильевском острове, на 13 линии, между Большим и Средним проспектами. Здесь мы с Людмилой жили в комнате, которую снимали у старшей дочери знаменитого генерала Зайнчковского В.К.

Этапы жизни.

К этому времени я уже работал на ПО «Кировский завод» электромонтажником в электроцехе (ц.730) и одновременно учился на вечернем отделении Северо-Западного политехнического института (СЗПИ) по специальности 0303 «электроснабжение промышленных предприятий, городов и с/х», который закончил в 1978 году и получил диплом инженера-электрика. В течении этого времени, мне только где не приходилось жить до получения комнаты.

Сначала я жил на квартире на ул. Ординарной д.8 у своей двоюродной сестры Нины, которая вышла замуж и имела уже фамилию Фёдорова. Это была огромная коммунальная квартира, которая раньше принадлежала генералу Василию Казимировичу Зайнчковскому, на младшей дочери Ирине которого был женат брат моего дяди Вани, герою обороны Ленинграда и Ораниенбаумского пятачка, где он командовал морской бригадой, почётному гражданину города Гатчины и кавалеру многих правительственных наград. Здесь у Нины и была только маленькая комнатка 18 кв. метров, которая ей досталась от родителей, и в которой жить втроём было просто не возможно. Но мне удалось выхлопотать себе место в общежитии на Балтийской улице д.3. И я, живя в нём, периодически приезжал на Ординарную. А тут пришёл из армии и муж Нины, Александр с которым мы подружились и дружба эта продлилась всю сознательную его жизнь до самой его смерти. Потеряв его 1 мая 2000 года, до сих пор остро ощущаю его отсутствие в моей жизни, как нечто невозможное ни чем, кроме него.

Работая в электроцехе с 1975 г. по 1982 г., был старшим инженером технического бюро электроцеха, мастером производственного участка электромонтажа и спецработ. На участке

производился капитальный ремонт и монтаж эл.оборудования станков, кранов и прочего оборудования. В это же время признан лучшим преподавателем ПО «Кировский завод».

Это фото висело на доске лучших преподавателей ПО «Кировский завод». 1980 г.

Работая на участке, активно участвовал в рационализаторской деятельности цеха. Имел десятки рацпредложений. Параллельно изучал основы изобретательства. Одно из наиболее значимых рацпредложений (уровень изобретения)- это «Изменение электрической схемы электродрели». Так я его тогда назвал. Было получено удостоверение № 730-53-80 от 22.12.1980 г. Сейчас, электродрели по всему миру оснащены переключателями, которые позволяют патрону вращаться, как по часовой, так и против часовой стрелки. Я долго искал ответ на вопрос изменения направления вращения дрели и в голову лезли в основном механические редукторы. И этому поиску были основания. На участке рабочие занимались капитальным ремонтом электрооборудования станков, и в частности, производился демонтаж и монтаж панелей управления. При этом, обычно брался лист железа толщиной 2 мм. И в нём сверлилось масса отверстий для крепления оборудования, в которых потом нарезалась резьба. Оборудование после этого крепилось на винты к панели и после этого производилась её коммутация электрическими проводами. Так вот, сама операция по нарезке резьбы в высверленные отверстия велась следующим образом. Рабочий залезал сверху на горизонтально расположенную на специальных подставках панель, доставал из кармана куртки один из метчиков для нарезки резьбы, вставлял их в специальную оправку, которая крепилась в патрон электродрели. После этого он осторожно включал дрель и метчик, проходя отверстие нарезал в нём резьбу и падал на пол под своим весом после прохода отверстия. То есть падал под панель. А так как панели были довольно большие по площади, то слезать каждый раз с панели, что бы достать из-под неё метчик ни кто не хотел. Поэтому карманы рабочих были набиты разными метчиками в больших количествах. Но собирать метчики после нарезки резьбы приходилось всё равно. В общем, очень не продуктивная работа. И вот после многих раздумий о том, как модернизировать операцию, я пришёл к простому решению вопроса. Электродвигатель дрели переменного тока имел коллектор (т.е. выпрямитель постоянного тока) питание на который подавалось с помощью двух электрических графитовых щёток. Достаточно было переключить концы проводов на щётках и менялась полярность, т.е. якорь электродвигателя должен был крутиться в обратную сторону. Я попросил одного из рабочих Питиримова Юрия поставить на дрель тумблер и соединить его соответствующим образом с проводами электродрели. И получилось. У дрели заработал реверс. После этого, её попробовали в нарезании резьбы на панелях. И всё это теперь делалось одним метчиком. Рабочие были довольны. После этого, мной было подано рацпредложение, в которое я включил Питиримова Ю. Мне не поверили, что так может быть в отделе главного энергетика (ОГЭ) Кировского завода. Специально пришёл инженер отдела Крутиков Сергей, который хотел

доказать, что так не может быть. Ему мы продемонстрировали работу дрели. Он стёр в кровь кожу на своих руках проверяя вращение патрона и вынужден был признать, что патрон может вращаться в обе стороны. За данное рацпредложение, мы с Питиримовым получили по 10 рублей. Понимая, что это рацпредложение может претендовать на статус изобретения, я попытался на заводе через отдел рационализации и изобретательства получить авторское свидетельство, но ни чего у меня не вышло. А прошло лет около 25 и во всём мире появились такие дрели с переключателями, которые позволяют патронам вращаться в разные стороны. А мне теперь, приходится себя утешать только мыслью, что я первый в мире создал такую дрель и обнаружил эту способность управления двигателем постоянного тока, включенным в сеть с переменным напряжением.

С 1982-1989 г.г. был заместителем директора по технической части пансионата «Красные Зори» в посёлке Стрельна. Бывшая усадьба «Михайловка». Сюда я был направлен по переводу из электроцеха ПО «Кировский завод».

Большой дворец усадьбы «Михайловка»

Историческая справка.

Хозяева.

Бурхард Христофор Миних (1683—1767) — родился в Ольденбурге, с 1721 года — на русской службе, в 1728 году получил титул графа. При императрице Анне Иоанновне — президент Военной коллегии, с 1732 года — генерал-фельдмаршал, в Русско-турецкой войне 1735—1739 годов командовал русской армией. В 1742 году сослан Елизаветой Петровной, возвращен из ссылки Петром III в 1762 году. С 1740 года в течение полутора лет владел всей центральной и западной частью будущей Михайловки и построил здесь дворец с двумя регулярными парками. Затем имение было конфисковано.

Алексей Григорьевич Разумовский (1709—1771) — из украинских казаков, участник переворота 1741 года, с 1742-го — морганатический супруг императрицы Елизаветы Петровны, возведен в графское достоинство, с 1756 года — генерал-фельдмаршал. Получил во владение «приморский двор» Б.-Х. Миниха в октябре 1743 года. На рубеже 1740—1750-х годов передал уже перестроенное имение своему брату К. Разумовскому.

Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803) — граф, с 1746-го по 1798 год — президент Петербургской академии наук. С 1750 года — гетман Украины (поэтому его приморская усадьба именовалась «Гетманская мыза»). После упразднения гетманства в 1764 году — генерал-фельдмаршал. Держал в имении прекрасную коллекцию живописи. Около 1790 года продал имение княгине Е. Барятинской.

Великий князь Михаил Николаевич (1832—1909) — с 1852 года генерал-фельдцейхмейстер. Почетный член Петербургской академии наук. В 1862—1881 годах — наместник Кавказа, в 1877—1878 годах — главнокомандующий Кавказской армией. С 1878 года генерал-фельдмаршал. С 1881-го по 1905 год — председатель Государственного совета.

Усадьба.

В 40-е годы XVIII века стоявшие здесь дачи корабельного мастера Т. Лукина, стольника И. Стрешнева и сенатора П. Мусина-Пушкина преобразовались в усадьбу «Убежище» графа Б.-Х. Миниха. Именья, которыми в самом начале владели царский лекарь, а «по совместительству» заведующий Кунсткамерой Р. Арескин и обер-кухмистер И. Фельтен, в начале XIX столетия объединились в усадьбе княгини В. Шаховской «Монкальм» («Мой покой»). Среди других жителей этих мест в разное время были тайные советники и генеральши, поручики лейб-гвардии и адмиралы, но самые знатные из них, пожалуй, графы Алексей и Кирилл Разумовские, почти пятьдесят лет поочередно владевшие «Убежищем». С 1830-х годов судьба этих мест переменилась. Сначала Департаментом уделов были приобретены «Монкальм» и Гетманская мыза, как тогда называли прежнюю усадьбу Б.-Х. Миниха. Из них стали готовить резиденцию для четвертого сына Николая Первого, в ту пору еще двухлетнего великого князя Михаила Николаевича. Затем в 1836 году к ним присоединили соседнее Мало-Знаменское, бывшую северо-восточную часть Гетманской мызы. Тогда был снесен деревянный миниховский дом с двумя флигелями, а также гостевой двор, примыкающий к нему сад и множество иных построек. Кроме того, деревню Коркули, стоявшую тут еще с XVII века, перенесли почти на версту прямо к шоссе.

В 1850 году по распоряжению Николая Первого А. Штакеншнейдер представил проект нового дворца для великого князя Михаила Николаевича. Но строительство досталось не ему — в 1856 году из трех архитекторов был выбран И. Шарлемань (младший). Иосиф Иосифович предложил проект асимметричной композиции Большого и Малого великокняжеских дворцов, решенных в духе итальянской виллы. Однако после того, как на следующий год заложили фундамент дворца, в дело вмешался министр императорского двора граф В. Адлерберг, добившийся отстранения И. Шарлеманя.

Новым строителем усадьбы по решению уже само-го Михаила Николаевича стал Г. Боссе, известный как любимый архитектор Николая Первого. Сохранив, по желанию великого князя, внешний облик дворца в целом, новый архитектор усложнил его общую планировку и предложил иную отделку интерьеров, а задуманную ранее башню сдвинул на северо-

восточный угол. В 1862 году, когда дворец был готов, возле него поднялся Кухонный, а чуть поодаль — Конюшенный корпус. Бывший дом графов Разумовских Г. Боссе перестроил в Кавалерский (или Гофмейстерский) корпус. Кроме того, здесь устроили егерский дом с псарней, оранжерею и здание караулки.

Изменился и парк, в виде регулярного существовавший в XVIII веке, но позднее преобразованный в английский пейзажный. Под присмотром садового мастера Фроста здесь устраивались новые дорожки, поляны и куртины. Наконец, новые пруды, соединившись извилистыми протоками со старыми, создали своеобразную водную систему, которую удачно дополнили небольшие мостики и плотины. На взгорке над нынешней полузаброшенной спортплощадкой, на месте, где когда-то стоял деревянный дом Б.-К. Миниха, архитектор Д. Гримм в 1860-е годы поставил небольшую нарядную церковь Св. Ольги. Позднее строительные работы в Михайловской даче продолжались, но они уже не меняли общего облика этих мест. В 1877 году на старинном Шуваловском кладбище возвели часовню в память цесаревича Николая Александровича, старшего брата Александра Третьего. Вскоре она была превращена в церковь.

Новые обитатели.

О том, как шли дела в бывшем имении великого князя в советское время, можно узнать из памятной доски на фасаде Гофмейстерского корпуса. Здесь с 1919-го по 1941 год размещалась трудовая школа-колония «Красные зори». Во время войны бывший дворец Михаила Николаевича сгорел. Исчезла с лица земли деревня Коркули. Уже в 1945-м здесь обосновалась птицефабрика. Но лишь после того, как в 1967 году усадьба перешла к Кировскому заводу, появился разработанный под руководством архитектора М. Толстова проект воссоздания ансамбля.

Со временем все сохранившиеся постройки были восстановлены. Единственное исключение — церковь Св. Ольги. В семидесятые годы прошлого века она еще сохраняла свою изящную главку с крестом. Сегодня церковь стоит без главки и кровли.

Во дворце и соседних корпусах с размещался пансионат «Красные зори» Кировского завода. В дальнейшем пансионат был упразднён, а в зданиях расположилась гимназия «Грейс» и в последствии весь комплекс перешёл в ведомство президентской администрации, которая в дальнейшем передала его Санкт-Петербургскому Государственному Университету.

(Использован материал из Интернета).

Пансионат располагался на территории 150 га. В его состав входили: семь корпусов дворцового типа находящихся под охраной ГИОП рассчитанных на 500 чел. отдыхающих, газовая котельная, бойлерная, тепловые узлы, насосная станция, трансформаторные подстанции, щитовые, автоматическая телефонная станция, киноконцертный зал, теплотрасса общей протяжённостью труб 4 км., механическая мастерская, гараж с автотехникой, теплицы, лечебный корпус с медицинским оборудованием, столовая на 300 мест.

Моя задача заключалась в технической эксплуатации объектов пансионата, а так же осуществлении контроля за работой подрядных организаций по капитальному ремонту зданий и сооружений.

За время моей работы на данной должности, удалось провести полную замену теплотрассы на нержавеющие трубы, реконструировать газовую котельную и бойлерную, оснастить оборудованием и запустить лечебный корпус, произвести капитальные ремонты дворцового комплекса и ряда других корпусов, установить хозяйственный ангар, реконструировать к/концертный зал, приобрести спецтехнику для производства работ (экскаватор, автовышка,

компрессор и т.д.), создать свою ремонтно-строительную службу с многопрофильной мастерской, открыть пункт междугородной связи, а так же многое другое.

В 1989 году, после неоднократных настойчивых просьб главного инженера завода №20 Министерства Обороны, Прокопчика Николая Кузьмича перешёл работать из пансионата на завод по переводу. Взяли меня в отдел снабжения сначала заместителем отдела, а потом и начальником. Отдел был большой около сорока человек, включая и кладовщиков. Работал на заводе я чуть больше года. Так как это был завод Министерства Обороны, то всё руководство было из кадровых военных. Директор завода полковник, главный инженер подполковник и так далее. Приходилось часто ездить в местные и более дальние командировки. Для местных командировок руководство завода выделило бортовой УАЗик. На него поставили тент и установили военную рацию с радиусом действия 25 км., тогда ещё не было мобильных телефонов. Этого радиуса действия хватало от нас до Кировского завода, куда я чаще всего и ездил. Въезжал и выезжал я на завод по спецпропуску без досмотра транспорта.

Чаще всего из командировок приходилось ездить в Москву, где находилось ГБТУ (Главное бронетанковое управление), в ведомстве которого и находился завод. Работать там приходилось в основном с полковниками, которые были начальниками отделов, через которые шли к нам комплектующие и материалы для производства. Приходилось налаживать личные контакты с ними и сотрудниками отделов. Это благоприятно сказалось на поставках в дальнейшем. В начале таких командировок в ГБТУ, которое находилось в главном штабе сухопутных войск, поражало обилие в коридорах полковников (подполковники и ниже, а так же гражданские практически не встречались) и немало встречалось генералов. А так как я был гражданским (хотя имел военный билет офицера запаса со званием «лейтенант»), то честь ни кому не надо было отдавать и это мне было по душе. Всегда радовала и столовая для персонала, которую можно было сравнить только со столовой МВД на площади им.Дзержинского, где мне тоже приходилось бывать. Выбор в столовых был как в ресторане притом, что цены очень низкие и готовили вкусно.

Но свою работу на заводе, где в должности начальника ОМТС я стал получать достойную зарплату, даже больше чем у директора, я завершил через год. Дело в том, что наша договорённость с руководством завода, а директором стал Прокопчик Н.К., бывший ранее главным инженером, состояла в том, что я прихожу в снабжение сроком на один год. Я хотел уйти работать в только что нарождающиеся кооперативы к своим друзьям, которые меня ждали уже год, т.к. я дал обещание перейти на завод раньше. Но руководство не захотело меня отпускать и стало оказывать давление на меня через секретаря парткомитета. Тогда я принял решение выйти из рядов компартии, что по тем временам было поступком неординарным, и добился своего исключения и увольнения по собственному желанию. Но, к сожалению, в кооператив на прежних условиях я уже попасть не смог, мой поезд ушёл.

Тем не менее, в 1990 году я пришёл в кооператив «Икар» к своим друзьям работать на должность начальника участка электромонтажных работ, где и проработал до 1992 года. Участка как такового не было. Надо было самому искать работу, подписывать договора, создавать сметы, обеспечивать материалами и комплектующими, а так же нанимать людей и технику для её выполнения. Несмотря на эти тяжёлые условия, мне удалось выполнить несколько заказов и заработать немного денег.

Ну а дальше, судьба сделала со мной так, что пришлось уйти из кооператива в недавно созданную фирму «Оргцентр Автоспорт», которую возглавил Мелентьев Юрий Александрович. Бывший военный, который жил под Москвой в г.Болшево рядом г.Королёвым. Занимался после увольнения в запас автоспортом, был известен в этих кругах. Написал первый учебник по автоспорту в СССР. Решил уехать из Москвы и попробовать себя реализовать в Ленинграде. А моя сестра Оля в это время вышла второй раз замуж. Её новый муж Борис и предложил мне перейти в «Оргцентр Автоспорт» на базе которого была организована ассоциация «АВТО». Работал я в ней с 1992-1995 года. Стал вице-президентом. Занимался руководством работой управленческого персонала, организацией выставок и проведением автоспортивных мероприятий. Работать было интересно, но сложно. Было

проведено ряд мероприятий, в частности международный форум «Экомобиль-92» (г.Сочи), где я был исполнительным директором и о чём был снят документальный фильм Сочинским телевидением. Там же я познакомился с помощником тогдашнего мэра г.Сочи Игорем Сизовым. От него, я первый раз услышал об идее возможности проведения в г.Сочи зимних олимпийских игр. Она уже тогда, в начале 90-х годов витала в умах сочинцев.

г.Сочи. На отдыхе. ЛВС и Сизов Игорь. Октябрь 2004г.

Два «Экоралли» (соревнования придуманные Мелентьевым по экономии топлива для типовых легковых машин), одно из них с заездом в Норвегию, где я был «командором». На ралли «Северный меридиан», которое проходило по Карелии и Мурманской области, я познакомился с корреспондентом газеты «АВТО», будущим главным редактором журнала «Комерческий транспорт» Солнцевым Александром.

Солнцев Александр и ЛВС. Выставка, Гавань, С-Пб. 1996 г.

Так же мы провели «Рождественские гонки» на бывшем стадионе им. Ленина (Петровский). Соревнования проходили зимой, стояли крепкие морозы под 20С, но стадион был полон. Когда народ стал прибывать на стадион, загорелась гостиница «Ленинград», где были даже жертвы. Но тем не менее, изголодавший по зрелищам народ валил к нам на стадион, что бы посмотреть автогонки на льду и выиграть в лотерею телевизоры, холодильники и автомобили «Москвич». Работая в ассоциации мне доводилось работать и встречаться с интересными людьми и руководителями разных рангов. В частности работать с известным комментатором технических видов спорта Ионайтесом Евгением Викторовичем.

Так же довелось организовать и провести встречу с Путиным Владимиром Владимировичем, будущим президентом России, который тогда руководил отделом внешних связей мэрии Санкт-Петербурга. Участвовать в начале восстановления гоночной авторассы «Невское кольцо» вокруг тогдашнего стадиона им.Кирова.

Но в 1995 году, ассоциация практически прекратила своё существование.

Пришлось переквалифицироваться и заняться продажей новых грузовых автомобилей в фирме АОЗТ «КНОТ», где я стал директором и работал до 1996 года. Мы расположилась на территории фирмы «ГУР» в Кировском районе, которой руководил Бейлин Борис Наумович. Здесь была продана очень большая партия грузовых автомобилей МАЗ и полуприцепов к ним. На нас обратили внимание другие продавцы подобной автотехники и не только они. Потом была фирма ЗАО «Петротракс» организованная мной в 1996 году. Она занималась продажей импортных подержанных грузовых автомобилей. Я был представителем голландской фирмы «ZUNDERT TRUCKS». Но в 1998 году к нам пришёл кризис и пришлось закончить свою успешную работу с этой фирмой. Больше я продажей грузовиков не занимался.

В 1998 году я пришёл по приглашению её руководителя Кузьмина Василия Николаевича в только начинающую свою деятельность на рынке фирму ООО «ВМПАВТО». Мною, совместно с Кузьминым В.Н. был создан проект «Чистик», название которого тоже придумано было сообща. За это, уходя из фирмы в 1999 году, я получил в подарок свой первый ноутбук.

В последующем, мною с группой людей, было организовано СТО по ремонту дизельных двигателей и продажа дизельных двигателей. Руководил фирмой до 2004 года.

*Рождение Ивана Лобанова. Г. Санкт-Петербург, роддом, июнь 2005г.
Слева на право: Вера(подруга Наташи), ЛВС, Лобанова Лена, Лобанова Наташа , Петров Сергей,
Ваня Лобанов (новорожденный), Эля, Людмила Лобанова.*

Иван Лобанов (после похода в театр), 4 года. 2009 г.

В последующем был председателем ЖСК 1171 1000 квартирного дома – 2005-2004 г.г. За 5 месяцев, в течение которых управлял кооперативом, не смотря на огалтелое сопротивление моей деятельности со стороны председателя ревизионной комиссии кооператива и двух членов правления, сделал для него многое. Зная о проблемах дома, которые пришли ко мне в процессе регулярных приёмов жильцов дома, сделал вывод, что первостепенно надо заниматься ремонтом кровли. Капитально отремонтировал, привлекая деньги города, всю мягкую кровлю нашего дома (5000 кв.метров), не смотря на то, что был сезон бесконечных дождей. Это обошлось в кругленькую сумму свыше 5 млн. руб. Продолжил работы, начатые предыдущим председателем, по замене водяных стояков в квартирах на пластиковые. Организовал и запустил в эксплуатацию прогрессивную схему уборки мусора, приступил к ремонту швов наружных панелей дома, решил вопрос о выделении денег через депутата на замену входных дверей в 11 подъездах и т.д. Неожиданно серьёзно заболел, просто слёг -это было связано с опорно-двигательным аппаратом. Этим воспользовались не доброжелатели и вывели меня из состава правления, чем я думаю, создали дому проблемы, т.к. у меня были серьёзные планы по кап.ремонту дома с привлечением государственного финансирования.

И вот, уйдя на пенсию по инвалидности, летом 2005 года я получаю предложение от Кузьмина В.Н. вернуться на фирму и заняться вопросами промышленного внедрения её продукции на рынке России.

Что нужно делать для этого? Никто ни чего не знал. И я решил заняться этим делом, хотя и не имел в этом ни какого опыта. С тех пор, я занимаюсь промышленным внедрением продукции фирмы и прежде всего пластичных смазок серии МС, являясь на сегодня главным специалистом промышленного внедрения НПК «ВМПАВТО».

В компании ООО «ВМПАВТО», где отработал 20 лет, а в последние годы в ООО «смазка.ру», в качестве главного специалиста по промышленному внедрению. Когда начинал , ни кто не знал, что это вообще такое «промышленное внедрение»? Пришлось начинать с нуля. Попытался создать своего рода алгоритм внедрения смазки МС 1000 (другой в тот момент для внедрения не было). И началась работа. Определил самых крупных производителей отечественной грузовой автотехники (импортная автотехника по ряду причин мной не рассматривалась). Добился проведения испытаний смазки на таких предприятиях как: ГУП «Пассажиравторанс» (СПб), ПАО «КАМАЗ», Группа ГАЗ (Канашский автоагрегатный завод), ООО «Тонар», ОАО «БЕЛАЗ», Вологодском подшипниковом заводе, Европейской подшипниковой корпорации (6 подшипниковых

заводов России), МАЗ, МЗКТ, МТЗ (Минский тракторный завод) . Но проведение испытаний –это только начало. Надо было добиться применения смазки МС 1000 в выпускаемой заводами автотехнике. И в основном это удалось. Сегодня мы поставщики на конвейеры таких ключевых предприятий экономики в области коммерческого автомобилестроения , как КАМАЗ, ГАЗ, ТОНАР, ЕПК, БЕЛАЗ. Имеем допуски МАЗа, МЗКТ, МТЗ, Уралмаша, Из-Картекса. Здесь удалось обойти таких гигантов нефтяной промышленности как Газпром и Лукойл, которые являются основными поставщиками топлива и масел на перечисленные выше предприятия ни кому не известной тогда среди производителей коммерческого автотранспорта фирме ООО «ВМПАВТО». Но этот этап внедрения потребовал много лет работы. Расчёт был сделан на то, что данные предприятия выпускают автотехнику , но её надо обслуживать. А при обслуживании требуется гораздо больше смазок, чем при производстве. Т.е. перед нами открылся рынок обслуживания.